

Города Сибири.

Г. Н. Потанина.

Города Сибири это—точки на общественномъ тѣлѣ Сибири, которыми оно воспринимаетъ лучи свѣта, идущіе съ Запада. Въ городахъ исключительно сосредоточены всѣ интеллигентныя силы этого края. Въ европейской Россіи города не стоятъ въ такомъ привилегированномъ положеніи относительно деревень, какъ въ Сибири. Земство въ европейской Россіи обогатило деревенскую среду интеллигенціей; оно усыяло эту среду учителями, докторами и техниками. Въ Сибири, вслѣдствіе отсутствія земскихъ учреждений, деревня живетъ безъ интеллигенціи. Поэтому вся умственная и культурная жизнь въ Сибири ограничивается городами, въ деревняхъ же сплошная умственная пустыня.

Самые крупныя города въ Сибири Иркутскъ и Томскъ: каждый теперь насчитываетъ до 70.000 жителей. Въ теченіе прошлаго девятнадцатаго столѣтія жизнь этихъ двухъ городовъ протекала подстоль различными условіями, что теперь они рѣзко отличаются другъ отъ друга. Иркутскъ до открытія университета въ Томскѣ считался умственной столицей Сибири, тогда какъ Томскъ всегда признавался ея торговымъ центромъ.

Писатель семидесятыхъ годовъ Максимовъ дѣлилъ русскіе города на два типа, на города буржуазныя и города бюрократическіе, или, какъ онъ выражался, на славянофильскомъ жаргонѣ, на „излюбленные“ и „не излюбленные“. Одни создаются торговой жизнью страны, вырастаютъ спонтанейно и процвѣтаютъ на прочномъ основаніи; другіе же насаждаются администраціей и бытіе ихъ зависитъ отъ каприза бюрократіи. Буржуазныя города отличаются каменными купеческими домами съ цѣпными собаками на дворѣ, съ тяжелыми замками на амбарахъ, съ воротами, которыя запираются въ 9 часовъ вечера, съ необитаемыми комнатами, съ хозяевами, тѣснящи-

мися въ заднихъ аппаратахъ, воздухъ которыхъ насыщенъ смѣсью запаховъ отъ лампаднаго масла и рыбнаго пирога. Жизнь такихъ городовъ не нуждалась въ умственныхъ развлеченіяхъ; она довольствовалась именинами, свадьбами, попойками, рысаками и кулачными боями. Бюрократическіе или чиновничьи города имѣютъ щедрый видъ, иногда сплошь состоятъ изъ деревянныхъ домиковъ; но здѣсь бываютъ любительскіе спектакли, иногда даже концерты; эти города являются разсадниками модъ. Въ исключительныхъ случаяхъ оба типа сливаются въ одномъ городѣ, и тогда происходитъ взаимное вліяніе двухъ элементовъ, буржуазнаго и чиновничьяго.

Такое дѣленіе городовъ на два типа можно замѣтить и въ Сибири. Яснѣе всего это выразилось въ Тобольской губерніи, гдѣ губернской городъ, чиновничій Тобольскъ, совѣмъ захудалъ бы, если бы его немного не поддерживали рыбопромышленники, тогда какъ уѣздный городъ Тюмень прочно устроилъ свое существованіе, окруживъ себя заводами. Въ Тобольскѣ проявлялось хоть какое-нибудь влеченіе къ просвѣщенію и наукѣ, Тюмень довольствовалась эмпирическимъ знаніемъ, которое ей приносили мастера кожевенныхъ и другихъ заводовъ. Не было въ Сибири города, который бы такъ соотвѣтствовалъ буржуазному „излюбленному“ типу характеристики Максимова; это былъ классическій „излюбленный“ городъ. Жизнь въ Тюмени это былъ театръ Островскаго, импровизированный самою жизнью.

Почти такой же контрастъ представляли два города Енисейской губерніи: чиновный Красноярскъ и буржуазный, золотопромышленный Енисейскъ. Если взять западную половину Сибири во всемъ ея объемѣ, то изъ двухъ крупнѣйшихъ городовъ ея, Омскъ, нужно признать представителемъ бюрократическихъ городовъ, а Томскъ буржуазныхъ. И какъ нѣтъ въ Сибири города, въ которомъ сильнѣе выразился буржуазный характеръ, какъ Тюмень, такъ нѣтъ чище представителя бюрократическихъ городовъ, какъ Омскъ. Въ восточной половинѣ былъ до недавняго прошлаго одинъ крупный городъ Иркутскъ, въ которомъ счастливо соединились оба элемента—и бюрократія и буржуазія.

Хотя сибирскіе чиновники вносили въ Сибирь большею частью показную цивилизацію, но между ними попадались иногда и подлинно просвѣщенные люди, которые имѣли на мѣстное общество благотворное вліяніе, особенно въ резиденціяхъ генераль-губернаторовъ. Въ этомъ отношеніи судьба благоприятствовала Иркутску болѣе, чѣмъ другой генераль-губернаторской резиденціи, Омску. Иркутскъ имѣлъ двухъ выдающихся генераль-губернаторовъ: Спе-

ранскаго и Муравьева-Амурскаго; списокъ омскихъ генераль-губернаторовъ не можетъ представить ни одного имени въ уровень съ этими двумя иркутскими администраторами. Оба они, и Сперанскій и Муравьевъ-Амурскій, выдвигали мѣстные силы; Сперанскій былъ связанъ личной дружбой съ тогдашнимъ инспекторомъ училищъ всей Сибири, сибирскимъ уроженцемъ, Словоцовымъ; дѣятельнаго помощника по составленію сибирскихъ административныхъ проектовъ онъ нашелъ въ другомъ талантливомъ сибирякѣ Батенковѣ, извѣстномъ декабристѣ.

Муравьевъ-Амурскій уступалъ Сперанскому въ силѣ обаянія, произведеннаго на сибирское общество. Сперанскій въ своихъ взглядахъ на реформы болѣе руководился интересами общества, Муравьевъ — интересами государства. Сперанскій, по мнѣнію Муравьева, сдѣлалъ непростительное упущеніе, не поднявши во время своего управленія Сибирью вопроса о присоединеніи Амура къ Россіи и приравнивалъ это упущеніе къ государственной измѣнѣ. Подобно Сперанскому, Муравьевъ также не брезговалъ мѣстными сибирскими силами, но расположенный отдавать больше предпочтенія нуждамъ государства, чѣмъ общества, онъ оставилъ въ тѣни болѣе выдающихся сибиряковъ и выдвигалъ тѣхъ, которые по своимъ способностямъ и благодаря своей честности могли оказать ему услуги въ узко-административной сферѣ. Такъ, онъ замѣтилъ способности въ одномъ молодомъ топографѣ Вагановѣ, который выдвинулся изъ простыхъ казаковъ омской казачьей линіи, и потомъ отправленный Муравьевымъ на Амуръ, былъ убитъ тунгусами, и въ Шишмаревѣ изъ забайкальскихъ казаковъ, который впоследствии былъ консуломъ въ Ургѣ. Такихъ любимцевъ Муравьевъ быстро двигалъ по службѣ и давалъ имъ пріютъ и столъ въ генераль-губернаторскомъ домѣ. Но начинавшіе становиться популярными въ сибирскомъ обществѣ писатели Вагинъ и Загоскинъ остались для Муравьева не замѣченными. Позднѣе графъ А. Игнатьевъ также старался пользоваться услугами сибиряковъ, какъ, напр., Загоскина и Ядринцева.

Ни одинъ городъ въ Сибири не былъ поставленъ въ такія условія, какъ Иркутскъ; ни въ Томскѣ, ни въ Омскѣ никогда не было такого хорошаго подбора чиновниковъ, какой былъ въ Иркутскѣ, благодаря его генераль-губернаторамъ; нигдѣ мѣстное богатое купечество не подвергалось такому сильному воздѣйствію чиновничьей среды, какъ въ столицѣ Сибири; эти чиновники иногда съ университетскимъ образованіемъ, наѣзжавшіе изъ европейской Россіи, принимали въ мѣстномъ обществѣ не только запросы внѣшней культуры, но приучали его интересоваться и русской литературой и вопросамъ общественной и государственной жизни.

Другое обстоятельство, еще болѣе важное въ смыслѣ культурнаго воздѣйствія, заключалось въ интеллигентной ссылкѣ. Въ жизни Иркутска было два момента, когда онъ въ своей средѣ увидѣлъ блестящую и немалолюдную ссыльную интеллигенцію. Первый моментъ—это появленіе въ Иркутскѣ группы декабристовъ; въ Иркутскѣ поселились князья Трубецкой и Волконскій, а также Поджіо. Въ 20 верстахъ отъ Иркутска, въ селѣ Урикѣ, отбывалъ свой срокъ ссылки декабристъ Лунинъ. Кромѣ того, въ одной изъ ближайшихъ къ городу деревень проживалъ сосланный по независимому отъ декабристовъ дѣлу, но родственннй имъ по духу, Раевскій, который имѣлъ значительное воспитательное значеніе для иркутскаго общества. Ссылные князья жили въ собственныхъ домахъ; ихъ дома были самыми просвѣщенными салонами, какіе когда-либо были въ Иркутскѣ; у нихъ собирался цвѣтъ образованнаго иркутскаго общества. Въ Петербургъ посылались изъ Иркутска доносы на вредное вліяніе декабристовъ; изъ какой среды шли доносы, изъ среды ли уроженцевъ Иркутска или изъ среды пришлыхъ чиновниковъ, не извѣстно, но доносы отпугивали иркутское общество отъ посѣщенія салоновъ; чтобы устранить этотъ страхъ генераль-губернаторъ Муравьевъ сдѣлалъ визиты сосланнымъ князьямъ, и салоны сохранили свое вліятельное положеніе. Декабристъ Поджіо давалъ уроки въ иркутскихъ семьяхъ, и изъ его учениковъ можно назвать братьевъ Бѣлоголовыхъ, Андрея и Николая, извѣстнаго доктора, друга доктора Боткина, и литераторовъ Щедрина-Салтыкова и Елисѣева.

Въ концѣ пятидесятихъ годовъ, съ воцареніемъ Императора Александра II, декабристы получили свободу выѣзда изъ Сибири и оставили Иркутскъ. Черезъ десять лѣтъ послѣ ихъ отъѣзда въ Иркутскѣ появляется не менѣе блестящая плеяда интеллигентныхъ и даже ученыхъ ссыльныхъ, состоящая изъ польскихъ повстанцевъ; тутъ были зоологъ Дыбовскій, геологи Чекановскій и Черскій, ботаникъ Ксіенжопольскій и археологъ Витковскій. Дыбовскій во время ссылки занялся промѣрами Байкала и изученіемъ фауны этого озера, особенно фауны ракообразныхъ и моллюсковъ; впоследствии онъ занимался изслѣдованіями фауны въ Камчаткѣ и, наконецъ, получилъ кафедру въ Краковѣ. Чекановскій за время своей ссылки сдѣлалъ свое имя извѣстнымъ своими геологическими изслѣдованіями и путешествіями около Байкала, въ системѣ средняго теченія Енисея и на отдаленномъ сѣверѣ восточной Сибири. Черскій подробно изучилъ горы по обѣ стороны Байкала и заложилъ фундаментъ геологическаго изученія этого озера. Всѣ члены этой группы послужили украшеніемъ географическаго общества въ

Иркутскѣ, оживили его дѣятельность и своими трудами создали блестящій эпизодъ въ исторіи этого общества. Многіе сибирскіе города испытали на себѣ благотворное вліяніе интеллигентныхъ ссыльныхъ, но ни въ одномъ изъ нихъ подобное вліяніе не достигало такихъ значительныхъ размѣровъ, какъ въ Иркутскѣ. Въ особенности былъ свободенъ отъ этой просвѣтительной заразы другой генераль-губернаторскій городъ Сибири—Омскѣ.

Города восточной половины Сибири въ торговомъ отношеніи отличались отъ городовъ западной тѣмъ, что послѣдніе отвозили въ европейскую Россію громоздкіе сырые матеріалы для заводской обработки, такъ называемый жировой товаръ и другія произведенія сельской промышленности, тогда какъ города восточной половины Сибири доставляли въ европейскую Россію дорогіе и удобные для перевозки предметы: золото, мѣха и чай. Иркутскѣ былъ центромъ мѣховой торговли; черезъ него тянулись чайные обозы изъ Кяхты; онъ былъ также центромъ, гдѣ жили золотопромышленники; послѣднюю роль онъ дѣлилъ съ другими городами, а именно: съ Красноярскомъ, Енисейскомъ и Томскомъ, но ни въ какомъ другомъ городѣ не жило столько и такихъ золотопромышленныхъ тузовъ, какъ въ Иркутскѣ. Купцы западной половины Сибири со своими тяжелыми и громоздкими, но дешевыми товарами, ѣздили сбывать ихъ на Ирбитскую ярмарку, гдѣ и покупали для своей половины Сибири продукты московской мануфактуры; купцы же восточной половины Сибири проѣзжали со своими легкими для провоза, но дорогими мѣхами и чаями до Нижегородской ярмарки и здѣсь закупали фабрикаты. Такимъ образомъ иркутскіе купцы имѣли случай ежегодно проѣзжать на тысячу верстъ дальше на западъ, чѣмъ купцы западныхъ сибирскихъ городовъ, и очень близко подъѣзжать къ столицамъ государства, особенно къ Москвѣ. Для усвоенія если не духовной, то, по крайней мѣрѣ, виѣшней культуры, иркутскіе отправители сибирскихъ товаровъ были поставлены выгоднѣе, чѣмъ жители западныхъ сибирскихъ городовъ.

Всѣ эти приведенныя обстоятельства содѣйствовали культурной шлифовкѣ иркутскаго купечества и имѣли своимъ результатомъ то, что ни одинъ городъ Сибири не могъ похвалиться такой блестящей, такой просвѣщенной буржуазіей, какъ Иркутскѣ, прославившій себя крупными денежными пожертвованіями на общественныя учрежденія и въ нисходящихъ поколѣніяхъ давшей рядъ просвѣщенныхъ дѣятелей на поприщѣ науки, литературы и общественной дѣятельности.

Ни одинъ сибирскій городъ не можетъ представить такого длиннаго списка замѣчательной буржуазіи, какъ Иркутскѣ, въ которомъ находятся имена Сибиряковыхъ, Трапезниковыхъ, Басниныхъ, Вѣ-

логоловыхъ, Пономаревыхъ. Фамилія Сибиряковыхъ, раньше другихъ выдвинувшаяся изъ рядового иркутскаго купечества, послѣ своего выступленія въ первые ряды, насчитываетъ три поколѣнія. Одинъ изъ Сибиряковыхъ старшаго поколѣнія былъ вождемъ оппозиціи противъ всесильнаго иркутскаго губернатора Трескина и велъ съ нимъ смертельную борьбу. Въ послѣднемъ своемъ поколѣніи, современномъ намъ, эта фамилія выставила трехъ братьевъ: Александра, Константина (скульптора) и Иннокентія и сестру Анну. Всѣ они стали извѣстны, какъ крупные жертвователи на общественныя дѣла. А. М. Сибиряковъ пожертвовалъ 800.000 руб. на содержаніе, въ память его покойной сестры Кладищевой, народной школы въ Иркутскѣ, которая теперь и существуетъ подъ названіемъ Кладищевской школы, 100.000 руб., на ученовспомогательныя средства для томскаго университета и 50.000 руб. для выдачи премій за лучшія сочиненія по исторіи Сибири. Кромѣ того, А. М. Сибиряковъ сдѣлалъ своей спеціальностью изученіе путей сообщенія въ Сибири; съ этою цѣлью онъ извѣздилъ Сибирь отъ Печеры до верховьевъ Амура, принималъ участіе въ расходахъ по снаряженію экспедиціи Норденшильда и т. д. Сестра Сибиряковыхъ, А. М. Сибирякова, щедро помогала учащейся въ Петербургѣ сибирской молодежи, но особенно крупныя суммы жертвовалъ на нужды просвѣщенія младшій братъ Иннок. М. Сибиряковъ; кромѣ того, что онъ пожертвовалъ крупныя суммы 400.000 руб. на курсы Лесафта и 400.000 на основаніе фонда, изъ котораго должны выдаваться пенсіи рабочимъ на золотыхъ приискахъ, потерявшимъ способность работать; нѣтъ въ Сибири просвѣтительнаго предпріятія, которое обошлось бы безъ денежнаго пособія И. М. Сибирякова; на его средства сдѣланы пристройки при музеяхъ въ Иркутскѣ, Минусинскѣ и Томскѣ; при его денежной помощи строились въ Сибири школы, открывались бібліотеки, издавались книги о Сибири; онъ субсидировалъ бѣдныхъ сибирскихъ литераторовъ, щедрой рукой раздавалъ стипендіи сибирякамъ студентамъ и курсисткамъ. Другая, дѣлающая честь городу Иркутску, купеческая фамилія Трапезниковы. Основатель богатства Трапезниковыхъ оставилъ въ наслѣдство своему городу на открытіе и содержаніе ремесленнаго училища капиталъ около милліона рублей; позднѣйшій Трапезниковъ кончилъ курсъ въ медицинскій школъ въ Парижѣ и состоитъ профессоромъ въ институтѣ экспериментальной медицины въ Петербургѣ. Третій не менѣе знаменитый торговый домъ въ Иркутскѣ прежняго времени—Баснины, Трапезниковъ и Баснинъ, современники сибирскаго генералъ-губернатора Пестеля, возмущенные безпредѣльнымъ произволомъ иркутскаго губернатора Трескина, составили противъ него

заговоръ и добились того, что петербургское правительство назначило ревизію сибирскаго управленія, поручивъ ее Сперанскому, ревизія котораго составила эпоху въ жизни всей Сибири. Баснины отличались своей просвѣщенностью. Библіотека Басниныхъ была извѣстна, какъ самая богатая въ Сибири въ свое время. Въ ихъ домѣ были собраны и коллекціи по естественной исторіи; первый списокъ полужесткокрылыхъ былъ составленъ энтомологомъ Ошанинымъ по коллекціи Баснина. Изъ братьевъ Бѣлоголовыхъ Андрей вмѣстѣ съ другимъ иркутскимъ купцомъ Поповымъ издавали первую частную газету въ Сибири „Амуръ“; другой братъ Николай былъ докторомъ и литераторомъ. Иркутскій купецъ Пономаревъ завѣщалъ миллионъ на нужды просвѣщенія въ городѣ и Иркутской губерніи. Завѣщаніе его представляетъ любопытный памятникъ по тѣмъ предосторожностямъ, которыя завѣщатель принимаетъ, чтобы оградить жертвующій городу капиталъ отъ посягательства родственниковъ. Завѣщаніе Пономарева—гордость иркутской буржуазіи; ни въ какомъ другомъ городѣ въ Сибири въ средѣ буржуазіи пониманіе своего долга въ отношеніи родного города не доходитъ до той высоты, какъ въ Иркутскѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ завѣщаніе Пономарева, и ни одинъ сибирскій городъ не имѣетъ такой славной буржуазіи.

Духовные запросы въ иркутскомъ обществѣ появились ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Сибири. Уже въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка въ Иркутскѣ былъ домъ купца Дудоровскаго, въ которомъ собирались лучшіе люди въ городѣ. Кромѣ того, въ Иркутскѣ организовался кружокъ для бесѣдъ о политикѣ и литературѣ, имѣвшій предсѣдателя. По классификаціи того времени это было, конечно, тайное общество. Такой же кружокъ организовался позднѣе въ шестидесятыхъ годахъ; предсѣдателемъ его былъ чиновникъ Юрьевъ, одно время занимавшій должность вице-губернатора, сибирякъ; секретаремъ кружка былъ Загоскинъ, впоследствии редакторъ либеральной иркутской газеты „Сибирь“. Кружокъ устраивалъ засѣданія, содержаніе которыхъ заносилось въ протоколы. Хотя на засѣданіяхъ обсуждались вопросы литературы и политики только въ предѣлахъ академическихъ, тѣмъ не менѣе существованіе кружка въ тѣ времена могло быть только подпольнымъ. Въ области просвѣтительныхъ предпріятій иркутское общество шло впереди другихъ сибирскихъ городскихъ обществъ. Въ Иркутскѣ появилась первая частная газета „Амуръ“; въ Иркутскѣ купцомъ Шестуновымъ была открыта первая въ Сибири публичная библіотека. Въ Иркутскѣ прежде, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ въ Сибири, появилось и стало развиваться общественное мнѣніе. Иркутская

газета „Сибирь“ сдѣлала первую попытку объединить всю Сибирь, привлекая вниманіе къ областнымъ вопросамъ. Нигдѣ въ Сибири обыватель не пытается такого уваженія къ мѣстной старинѣ, какъ въ Иркутскѣ; болѣе, чѣмъ какой другой горожанинъ, иркутянинъ чтитъ имена своихъ общественныхъ дѣятелей и заботится о реноме своего города. Иркутскъ первый въ Сибири пересталъ выбирать въ городскіе головы купцовъ толстосумовъ и выбралъ Сукачева, эстетика, составившаго первую картинную галлерею въ Сибири, чело-вѣка съ университетскимъ образованіемъ. Въ хорѣ сибирскихъ городскихъ думъ, протестовавшихъ противъ ссылки въ Сибирь, го-лосъ Иркутской городской думы былъ всегда энергичнѣе другихъ. Иркутское общественное собраніе, самое чувствительное въ Сибири къ своему достоинству. Исторія мѣстнаго ученаго общества (Отдѣлъ Русскаго Географическаго Общества) есть исторія постоянной глухой борьбы съ мѣстной высшей властью за достоинство науки, исторія постепеннаго завоеванія автономіи ученаго общества и пре-вращенія его изъ бюрократическаго придатка къ генераль-губер-наторской канцеляріи въ дѣйствительное собраніе ученыхъ, не при-знающее другого авторитета, кромѣ авторитета науки. Нигдѣ въ Сибири административная власть не дисциплинирована такъ чувстви-тельнымъ общественнымъ мнѣніемъ, какъ въ Иркутскѣ, по крайней мѣрѣ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ она не обращается съ обществен-нымъ мнѣніемъ съ большей осторожностью, чѣмъ здѣсь. Иркутску льстили, называя его сибирскими „Афинами“ и философъ-ботаникъ Коржинскій, профессоръ Томскаго университета, увидѣвъ Иркутскъ и присмотрѣвшись къ иркутскому обществу, высказывалъ мнѣніе, что открытіе университета въ Иркутскѣ, а не въ Томскѣ для си-бирскаго университета было бы выгоднѣе; находясь въ Иркутскѣ, коллегія профессоровъ нашла бы скорѣе нравственную поддержку въ отзывчивомъ къ просвѣщенію и свободѣ иркутскомъ обществѣ, тогда какъ въ томской индифферентной средѣ университетская семья чувствуетъ себя сиротой.

По внѣшнему виду Иркутскъ одинъ изъ лучшихъ городовъ въ Сибири. Городъ расположенъ на правомъ берегу рѣки Ангары, въ 60 вер. отъ выхода изъ озера Байкала (т.-е. въ томъ же раз-стояніи, какъ Петербургъ отъ выхода Невы изъ Ладожскаго оз.). Горная рѣчка Ушаковка съ прозрачной водой, струящейся по ка-мешкамъ, бѣжитъ по сѣверной окраинѣ города и отдѣляетъ его отъ Знаменскаго предмѣстья. На южной окраинѣ города Ангара отдѣляетъ городъ отъ Глазковского предмѣстья. Московскій поѣздъ, слѣдуя по лѣвому берегу Ангары въ 5 верстахъ отъ города минуетъ Иннокентьевскій монастырь, гдѣ лежатъ мощи сибирскаго святого

Иннокентія, привлекающія къ себѣ паломниковъ изъ дальнихъ угловъ Сибири, потомъ переходить по мосту черезъ р. Иркутъ и пробѣгаетъ черезъ все Глазковское предмѣстье. Въ это время зритель изъ окна вагона видитъ, какъ на противоположномъ берегу Ангары передъ его глазами пробѣгаетъ вся линія набережной города. Городская набережная обращена лицомъ на югъ, облита свѣтомъ и потому впечатлѣніе получается такое, будто поѣздъ проходитъ подъ параднымъ фасадомъ города, и зритель сразу получаетъ представленіе о величинѣ города. Но выгодное положеніе набережной, обращенной лицомъ на югъ, портится тѣмъ, что линія набережной образуетъ не вогнутую линію, какъ набережная въ Генуѣ, а выпуклую; поэтому набережная Ангары въ Иркутскѣ не могла сдѣлаться мѣстомъ торговой жизни и любимымъ мѣстомъ фланирующей толпы; городская набережная безлюдна и плохо отстроена. Удачнѣе выгнута линія набережной въ Глазковскомъ предмѣстьѣ; она хотя обращена на сѣверъ, но образуетъ вогнутую линію и впослѣдствіи, если бы она обстроилась богатыми каменными домами, составила бы самый красивый участокъ города, но она искалѣчена тѣмъ, что по ней проведено полотно желѣзной дороги, и все полотно набережной отошло въ полосу отчужденія.

Внутри городъ производитъ сенсацію своей магистральной улицей, которая носитъ банальное имя Большой. Она недурно отстроена, обставлена торговыми магазинами и вся сплошь состоитъ изъ каменныхъ построекъ, такъ какъ послѣ пожара 1879 года деревянные постройки на ней запрещены, а которыя существовали до пожара, были уничтожены огнемъ. Благодаря пожару, истребившему деревянный хламъ, иркутская Большая является самой шикарною улицей въ Сибири. Двѣ, три параллельныя улицы уже далеко уступаютъ Большой; нѣсколько лучше ихъ отстроена Амурская улица, пересѣкающая Большую. Въ Большой улицѣ сконцентрированъ весь архитектурный блескъ города.

Большая улица сильно выигрываетъ отъ своей прямизны. Упираясь однимъ концомъ въ набережную Ангары, другимъ въ Ушаковку, она дѣлитъ городъ на двѣ половины; къ западу отъ Большой улицы, въ пространствѣ, ограниченномъ съ одной стороны дугою береговъ Ангары и Ушаковки, съ другой хордой этой дуги, которую образуетъ Большая, заключается самая старая часть города. Это древній иркутскій острогъ, когда-то обнесенный деревянными стѣнами и башнями, иркутскій „Кремль“. Здѣсь самыя старыя зданія, старый соборъ, монастырь, архіерейскій домъ.

Монументальныя новыя зданія въ городѣ: новый соборъ, театръ

и музей Географическаго Общества. Театръ и музей составляютъ гордость города. Театръ, самый большой въ Сибири, построенъ на средства жертвователей, собранныя генераль-губернаторомъ Горемыкинымъ; онъ вмѣщаетъ до тысячи зрителей, находится въ вѣдѣніи городского самоуправления; репертуаромъ театра завѣдуетъ театральная дирекція—институтъ, какого нѣтъ ни въ какомъ другомъ городѣ Сибири. Музей построенъ по проекту архитектора барона Розена на сборы, частью собранныя мѣстной администраціей, частью по инициативѣ самихъ жертвователей. Иркутскъ выдѣляется изъ семьи сибирскихъ городовъ своими больницами; онъ имѣетъ три большихъ больницы: городскую, построенную на средства богача золотопромышленника Кузнецова, больницу для хроническихъ больныхъ—на средства Медвѣдниковыхъ и дѣтскую—на средства золотопромышленника Базанова; по величинѣ зданій, по числу кроватей и по внутренней обстановкѣ этихъ больницъ ни въ одномъ сибирскомъ городѣ ничего нѣтъ подобнаго.

Историческихъ монументовъ, за исключеніемъ деревянныхъ „Амурскихъ воротъ“, построенныхъ по случаю возвращенія въ городъ графа Муравьева послѣ Амгунскаго договора, т.-е. послѣ присоединенія Амура къ Россіи, въ городѣ нѣтъ, но собирается сборъ на постановку памятника гр. Сперанскому, а также среди бурятъ идетъ подписка на памятникъ ученому буряту Дорджи Банзарову.

Изъ просвѣтительныхъ учреждений самое сильное вліяніе на воспитаніе иркутскаго общества имѣли Отдѣлъ Географическаго Общества со своимъ музеемъ и театръ. Первый служилъ пропагандѣ научныхъ знаній, воспитывалъ уваженіе къ наукѣ, а также былъ единственной ареной для выраженія политическихъ симпатій и мнѣній; театръ развивалъ артистическіе вкусы въ населеніи; благодаря дирекціи, Иркутскъ имѣлъ всегда хорошій драматическій театръ съ такими исполнительницами, какъ Горева и Киселева, и ни одинъ сибирскій городъ не имѣлъ такой оперы, какъ Иркутскъ, что сдѣлало Иркутскъ самымъ музыкальнымъ городомъ въ Сибири въ смыслѣ разборчивости вкуса. Въ 1901 г. Отдѣлъ Географическаго Общества праздновалъ пятидесятилѣтній юбилей своего существованія; это былъ праздникъ не только ученой семьи, но всего города и даже цѣлой области. Торжественное юбилейное собраніе ученаго общества съ его гостями, съ рѣчами делегатовъ, съ чтеніемъ адресовъ и привѣтственныхъ телеграммъ, было устроено въ театрѣ. Это гостепріимство, оказанное дирекціей театра сѣятелямъ научныхъ знаній въ Сибири, эмблематизировало союзъ науки и искусства.

Томскъ представляетъ противоположность аристократическому Иркутску. Характеръ томской жизни плебейскій; это городъ Титъ-Титычей и задолженныхъ имъ мѣщанъ. Здѣсь не было тѣхъ благотворныхъ для перевоспитанія мѣстнаго общества условій, какія сложились для Иркутска. Списокъ томскихъ губернаторовъ состоитъ изъ самыхъ заурядныхъ именъ; въ немъ не было ни одного имени въ родѣ такихъ, напримѣръ, тобольскихъ губернаторовъ, какъ Арцимовичъ и Деспотъ-Зеновичъ. Не было и такой плеяды интеллигентныхъ ссыльныхъ, какъ въ Иркутскѣ; это особенно справедливо по отношенію къ старому времени; Томскъ видѣлъ трехъ интересныхъ ссыльныхъ: декабриста Батенкова, петрашевца Толя и М. А. Бакунина, но всѣ они имѣли въ Томскѣ кратковременное пребываніе, особенно Толь, а Бакунинъ столько же прожилъ потомъ и въ Иркутскѣ, сколько въ Томскѣ. Средства воздѣйствія на мѣстное общество въ Томскѣ были другого достоинства или другой силы, да и природа воспринимателя воздѣйствій другая. Иркутскій купецъ—поставщикъ на западъ элегантныхъ продуктовъ востока: золота, соболей, чая, томскій купецъ отправляетъ кожи, сало, шерсть, щетину. Иркутянинъ негоціантъ, томичъ прасоловъ; онъ ходитъ въ фартукѣ. Негоціантъ ищетъ удовольствій въ чтеніи книгъ, въ бесѣдѣ съ учеными, въ путешествіи съ просвѣтительной цѣлью; выскочка изъ прасоловъ находитъ ихъ только въ удовлетвореніи своихъ животныхъ потребностей; первый видитъ удовольствіе въ употребленіи своихъ денежныхъ средствъ на просвѣтительное предпріятіе; выскочка изъ прасоловъ въ сжиганіи сторублевыхъ бумажекъ на свѣчкѣ. Въ томскомъ купечествѣ не образовалось такихъ традицій, которыя мы находимъ въ Иркутскѣ и которыя побуждаютъ къ большимъ пожертвованіямъ на пользу мѣстнаго населенія.

Блестящій расцвѣтъ томской золотопромышленности въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія прошелъ для города почти безслѣдно. Въ городѣ появилось нѣсколько милліонеровъ, но единственная память о ихъ существованіи осталась только въ названіи одной Милліонной улицы, да и эта память по злой ироніи судьбы или по недоразумѣнію осталась не за тѣмъ концомъ улицы, на которомъ находились ихъ дома. Всѣ эти томскіе золотопромышленные тузы тридцатыхъ годовъ—Филимоновы, Отопковы, Сосулины, Гороховы—прожгли свои капиталы на пирахъ и на безвкусныхъ затѣяхъ, тѣша только свое тщеславіе случайно разбогатѣвшихъ выскочекъ. Исключеніе составилъ одинъ только Поповъ, пожертвовавшій городу 200.000 для основанія городского банка съ тѣмъ, чтобы прибыли банка шли на женское образованіе. Позднѣйшее поколѣніе еще менѣе оставило слѣдовъ въ Томскѣ; старики, по крайней мѣрѣ, про-

живали свои капиталы если и глупо, то въ родномъ городѣ; молодое же поколѣніе прокучивало свои деньги въ Монако и другихъ подобныхъ притонахъ кутящей буржуазіи за границей.

Вслѣдствіе такой некультурности томской буржуазіи томскій списокъ пожертвованій на городскія общественныя нужды поразительно малъ сравнительно съ иркутскимъ. Одинъ капиталъ Кладищевской народной школы покроетъ всю сумму пожертвованій томскихъ купцовъ, на пользу своихъ горожанъ. 200,000 Попова, положенныхъ въ основаніе городского банка, единственная крупная жертва; томскій золотопромышленникъ Цибульскій пожертвовалъ 100.000 на томскій университетъ, но это послѣднее пожертвованіе нельзя относить къ чести томской буржуазіи; Цибульскій былъ не настоящій томичъ; это былъ такой же чужестранный жертвователь въ пользу Томска, какимъ чужестранцемъ для Иркутска былъ Хаминовъ, на средства котораго основаны двѣ женскія гимназіи въ Иркутскѣ. Передъ тремя солидными больницами Иркутска томская буржуазія парадируетъ со своей миниатюрной больницей Некрасова, которая при томъ же открыта только два года назадъ. Всѣ учебныя заведенія (за исключеніемъ женской гимназіи) основаны или на счетъ казны, или на счетъ самоуправленія. Нѣтъ ни одного, которое было бы обязано своимъ существованіемъ какому-нибудь одному лицу, какъ напримѣръ школа Кладищевой или Пономаревская школа въ Иркутскѣ. Одно только коммерческое училище построено на сборы, сдѣланные томскимъ купечествомъ; только въ этомъ одномъ случаѣ это купечество проявило свою дѣятельность, но и въ этомъ случаѣ Томскъ не былъ впереди; промышленное училище въ Иркутскѣ было создано также частной агитаціей, но за тридцать лѣтъ до открытія коммерческаго въ Томскѣ. Есть въ Томскѣ ремесленное училище, устроенное на средства купца Королева, но въ параллель этому въ Иркутскѣ имѣется два ремесленныхъ училища, содержимыя на купеческія пожертвованія: одно содержится на средства Медвѣдниковскаго банка, другое на капиталъ Трапезникова. Вотъ результатъ тѣхъ условий, въ которыхъ жило томское общество до открытія университета въ 1887 г. Теперь эти условія измѣнились; въ двухъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ университетѣ и технологическомъ институтѣ Томскъ получилъ органы, воздѣйствіе которыхъ должно привести томское общество къ такому же духовному преображенію, какое испытало на себѣ иркутское общество. Или даже преобразование томскаго общества должно совершаться глубже, серьезнѣе, потому что томская коллегія профессоровъ обладаетъ болѣе могущественной силой духовнаго воздѣйствія, чѣмъ штабъ генераль-

губернатора изъ чиновниковъ. Но воздѣйствіе томской высшей школы еще молодо, а воспринимающая среда слишкомъ заскоружла; поэтому слѣды воздѣйствія слабы, почти незамѣтны. До какой степени не вліятельна въ Томскѣ интеллигенція и до чего неподатлива еще къ духовному преобразенію томская толпа, показали октябрьскіе дни 1905 года; въ Иркутскѣ, гдѣ сила общественнаго мнѣнія способна принудить и высшую власть въ краѣ, и некультурные низы населенія подчиняться голосу разсудка, никогда бы не случилось того, что произошло въ Томскѣ. Удары озвѣрѣвшей томской толпы были направлены не противъ только неправильно распределеннаго богатства; ясно было, что руководители томскихъ вандаловъ вдохновлялись ненавистью къ просвѣщенію и наукѣ; они разграбили домъ городского головы А. И. Макушина, который въ своей муниципальной дѣятельности придерживался либеральной демократической партіи въ думѣ и старался поднять школьное дѣло въ городѣ; они разгромили общество книгопечатниковъ, разтрепали и развѣяли по улицѣ бібліотеку общества; они грозились разгромить технологическій институтъ и заставили всѣхъ профессоръ обѣжать изъ зданія института.

Чтобы не оказаться несправедливымъ и не преувеличить вину томской буржуазіи, необходимо отмѣтить разницу въ эксплуатаціи природныхъ богатствъ, болѣе благопріятную для иркутянъ, чѣмъ для томичей. Мѣховая торговля, золотопромышленность, чайная торговля имѣютъ дѣло съ привилегированными товарами, дающими большіе барыши. Эти товары давали барыши, о которыхъ томскіе торгаши хлѣбомъ и кожами не могли мечтать и доставляли иркутянамъ важныя связи въ Петербургѣ и въ Москвѣ, въ средѣ бюрократіи и столичной буржуазіи. Доставители товаровъ для иркутской торговли, тунгусъ-содолевщикъ, рабочій на золотыхъ приискахъ, чайный торговецъ изъ Маймачена не пользовались защитой русскихъ законовъ въ той же степени, какъ крестьяне, поставщики на томскій рынокъ, и это давало иркутской буржуазіи возможность составлять капиталы, какіе и не снились томичамъ. Поэтому томская жизнь всегда была болѣе сѣрою, блѣдною, болѣе провинціальною, чѣмъ въ Иркутскѣ, а томичъ былъ плебеемъ сравнительно съ щеголеватымъ иркутяниномъ. Сообразно съ этимъ и томская филантропія имѣетъ мѣщанскій, грошовый характеръ. Просвѣтительныя учрежденія Томска построены на мелкіе кружечные сборы. Самый величественный памятникъ томской филантропіи — зданіе и учрежденія школьнаго общества или, какъ оно официально называется, Общество попеченія о начальномъ образованіи. Зданіе общества построено на деньги, пожертвованныя томскимъ

купцомъ Валгусовымъ и И. М. Сибиряковымъ. Сумма въ 15.000 р., пожертвованная Валгусовымъ мизерна, сравнительно съ пожертвованіями, которыя отваливали на городскія нужды иркутскіе купцы. Болѣе существенное значеніе для расцвѣта дѣятельности этого общества имѣла дружная работа его почтенныхъ членовъ. Основателемъ и долгое время искуснымъ руководителемъ общества былъ томскій книгопродавецъ П. И. Макушинъ. Для объединенія томской интеллигенціи и для воспитанія гражданской солидарности это общество сыграло такую же роль, какъ для Иркутска Отдѣлъ Географическаго Общества съ его музеемъ, для Минусинска Мартыановскій музей, для Красноярска—книжный складъ. Общество просуществовало около двадцати лѣтъ, воодушевляемое девизомъ, написаннымъ на его знамени: „Ни одного неграмотнаго“. Его праздники нерѣдко обращались въ праздники городской интеллигенціи; въ жизни общества были моменты подъема гражданскихъ чувствъ. Реакціонеры иронически называли это общество „трехрублевымъ парламентомъ“, и оно дѣйствительно было демократическимъ учрежденіемъ. Въ зрительномъ залѣ зданія общества устраивались спектакли для народа, народныя чтенія, музыкальныя утра, на рождественскихъ праздникахъ елки для городскихъ школь, балы для рабочихъ, наконецъ лекціи для народа и одинъ годъ даже цѣлые курсы. Зданіе общества было народной аудиторіей. Общество содержало въ городѣ двѣ бесплатныя библіотеки для народа. Это общество было первое въ Сибири; по его примѣру возникли подобныя общества и въ другихъ городахъ Сибири. Аудиторія этого общества служила мѣстомъ единенія городской интеллигенціи съ городской массой и воспитывала интеллигенцію служить народу; общество имѣло много искреннихъ друзей, у которыхъ иногда привязанность превращалась въ культъ учрежденія.

Другое такое же демократическое учрежденіе въ Томскѣ, Общество физическаго развитія дѣтей, обязано своимъ существованіемъ энергіи доктора Пирусскаго, который въ этой области является для Сибири такимъ же новаторомъ, какимъ былъ П. И. Макушинъ въ исторіи обществъ попеченія о народномъ образованіи.

Демократизація интеллигенціи въ Иркутскѣ запоздала противъ Томска; тамъ также появилось общество распространенія народнаго образованія, но гораздо позднѣе, чѣмъ въ Томскѣ. Появилась дѣятельность и въ направленіи доктора Пирусскаго, но въ самое недавнее время. Да и успѣховъ такихъ иркутскія учрежденія этого рода не достигали, какъ въ Томскѣ. Хорошо развивалось въ Томскѣ и дѣло воскресныхъ школь, ихъ посѣщало болѣе тысячи

человѣкъ взрослыхъ и дѣтей. Какъ на внѣшнія свидѣтельства благородной дѣятельности интеллигенціи Томска могутъ указать, хотя бы и скромные по величинѣ, „народные дворцы“: зданіе общества попеченія о начальномъ образованіи, въ которомъ помѣщаются бесплатная народная библіотека, музей прикладныхъ знаній и залъ для театральныхъ представленій, дѣтскій манежъ, построенный обществомъ физическаго развитія и Гоголевскій домъ, съ тремя большими залами для воскресныхъ школъ, четырехъэтажное зданіе, обошедшееся въ 80.000 руб. Постановкой внѣшкольного образованія Томскъ счастливо отличился отъ Иркутска. Томскъ обладаетъ кромѣ того институтомъ, котораго нѣтъ или по крайней мѣрѣ долго не было ни въ какомъ городѣ Сибири—при городской думѣ состоитъ училищная комиссія, въ составъ которой входятъ всѣ учительницы и учителя городскихъ народныхъ школъ. Томское самоуправленіе всегда было качествомъ ниже иркутскаго; томскіе головы никогда не отличались самостоятельнымъ голосомъ, не умѣли говорить съ высшей властью съ достоинствомъ, какъ это иногда случалось въ Иркутскѣ. Только за нѣсколько лѣтъ до конституціи дѣло нѣсколько стало измѣняться; была выбрана „интеллигентная дума“ и городскимъ головой былъ избранъ докторъ А. И. Макушинъ, о которомъ можно сказать, что это былъ самый дѣловитый голова въ Сибири, служившій городу не изъ-за тщеславія, а по любви къ городскому дѣлу, добросовѣстно изучившій его во всѣхъ деталяхъ. Новая дума намѣтила рядъ улучшеній по городу: снабженіе города водой, замощеніе улицъ, электрическое освѣщеніе, канализація и т. п. Часть намѣченной программы удалось исполнить: устроенъ водопроводъ, магистральная улица вымощена и уставлена электрическими фонарями. Новая дума и новый голова особенно заботились о распространеніи образованія въ городѣ.

Подобно Иркутску, Томскъ имѣетъ болѣе торговое, чѣмъ промышленное значеніе. Впрочемъ, промышленность въ Томскѣ немного значительнѣе. Тогда какъ въ Иркутскѣ заводы (пивоваренные и пр.) обслуживаютъ только городъ, заводы Томска разсылаютъ свои продукты въ округъ, какъ напр. спичечный заводъ Кухтерина, стеклянный г-жи Королевой. Торговое значеніе Томска въ прежнее время заключалось въ томъ, что онъ служилъ складочнымъ мѣстомъ, изъ котораго снабжались необходимыми товарами золотые промыслы восточной Сибири. Въ настоящее время черезъ Томскъ идутъ продовольственные продукты богатаго приалтайскаго края и южной части Тобольской губ. въ бѣдную продовольствіемъ Иркутскую губернію. Торговое значеніе Томска опредѣлилось его положеніемъ въ такой точкѣ меридіана, которая является наилучшимъ

пунктомъ для провоза товаровъ изъ западной половины Сибири въ восточную, ибо всякое пересѣченіе томскаго меридіана къ югу отъ Томска встрѣтитъ скалистыя горы, всякое пересѣченіе къ сѣверу отъ города—лѣсныя трупцы, зыбуны и болота. Поэтому торговое значеніе Томска въ будущемъ незыблемо до извѣстной степени. Къ несчастію для города положеніе его въ отношеніи и воднаго и рельсоваго пути не вполне счастливое; пароходы идущіе въ городъ изъ Оби, въ малую воду нѣсколько верстъ не доходятъ до города и останавливаются у пристани Черемошники, а поздней осенью и еще ранѣе,—у дер. Гладкой. Желѣзная дорога не проходить черезъ городъ и онъ сообщается съ нею посредствомъ вѣтки въ 80 верстъ длиной, которая упирается въ сибирскую магистраль у станціи Тайга.

Городъ расположенъ на правомъ берегу Томи, частью на низменности, частью на возвышенностяхъ, прорѣзанныхъ долиной р. Ушайки, раздѣляющей городъ на двѣ половины: сѣверную и южную. Благодаря неровности земной поверхности, на которой стоитъ городъ, внутри его виды калейдоскопично разнообразны и мѣстами живописны, и въ то время, какъ общій видъ со стороны не производитъ впечатлѣнія изъ центра города, съ Воскресенской горы, узкимъ мысомъ вдающейся въ середину города, открывается пространная панорама на сѣверную половину города съ поднимающимися въ серединѣ новымъ соборомъ. Соборъ ни извнѣ ни внутри не представляетъ ничего оригинальнаго; въ немъ нѣтъ ничего мѣстнаго ни въ общемъ замыслѣ, ни въ исполненіи подробностей; это не продуктъ пробужденнаго мѣстнаго творчества, а шаблонное произведеніе клерикально-бюрократической воли.

Въ 1887 г. открытъ Томскій университетъ, а въ 1890 г. технологическій институтъ. Это обстоятельство превратило Томскъ въ умственную столицу Сибири и измѣнило фізіономію города. До этого вся сибирская молодежь уѣзжала довершать свое образованіе въ европейскую Россію, и это въ сибирскую жизнь вносило дисгармонію; въ городахъ отсутствовала молодая жизнь. Съ открытіемъ университета эта постылая черта исчезла, особенно въ Томскѣ. Въ настоящее время насчитывается студентовъ въ университетѣ и въ институтѣ около 3.000.

Присутствіе высшей школы съ персоналомъ изъ профессоровъ должно плодотворно повліять на мѣстное общество. Это перерожденіе Томска въ европейскій городъ ускорится, когда высшая школа перестанетъ играть роль посторонняго тѣла въ общественномъ организмѣ Сибири, перестанетъ быть бюрократическимъ учрежденіемъ, не связаннымъ съ мѣстной средой взаимными симпатіями,

а напротивъ, обратится въ органъ общественнаго тѣла Сибири, который правильно функціонируетъ, когда тѣло здорово, и недомагаетъ, когда оно находится въ угнетенномъ состояніи.

Омскъ, третій по величинѣ городъ въ Сибири, до настоящаго времени; которое можно назвать эпохой преобразованія городской жизни въ Сибири, уступалъ городамъ Томску и Иркутску какъ въ просвѣщеніи, такъ и въ богатствѣ. Онъ не имѣлъ тѣхъ счастливыхъ условій, въ какихъ жили другіе два города. Списокъ омскихъ генераль-губернаторовъ не блещетъ именами; изъ администраторовъ наибольшую память о себѣ оставилъ Капцевичъ; нездоровая традиція о немъ прожила съ двадцатыхъ годовъ до шестидесятыхъ и въ шестидесятыхъ еще живо чувствовалась въ Омскѣ. Это былъ узкій аракчеевецъ, пытавшійся экспериментами надъ подчиненнымъ ему народомъ доказать возможность осуществленія безразсудныхъ плановъ Аракчеева—превратить Россію въ сплошное военное поселеніе. Хорошее воспоминаніе оставилъ только генераль губернаторъ Казнаковъ, которому Сибирь обязана открытіемъ Томскаго университета; эта заслуга дѣлаетъ его имя симпатичнѣе сибирякамъ, чѣмъ имя Муравьева Амурскаго. У неблестящихъ администраторовъ и свита ихъ была неблестящая; поэтому омское населеніе осталось безъ тѣхъ благодѣтельныхъ воздѣйствій, какія выпали на долю Иркутска. Да если бы и были въ Омскѣ интеллигентныя генераль-губернаторскія свиты, онѣ не нашли бы здѣсь воспримчивой почвы. Омскъ былъ всегда бѣднымъ городомъ, лишеннымъ всякаго торговаго значенія. Богатаго купечества въ городѣ совсѣмъ не было, да и мѣщанское общество было сравнительно съ другими городами не большое. Значительный процентъ городского населенія составляли отставные чиновники и отставные офицеры и солдаты. Въ Омскѣ была самая дешевая жизнь на всемъ разстояніи отъ Петербурга до Иркутска, и въ то же время, благодаря генераль-губернаторской резиденціи, здѣсь было веселѣе, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ губернскомъ городѣ; здѣсь бывали концерты, спектакли, балы и фейерверки. Поэтому омскіе чиновники, вышедши въ отставку, никуда не уѣзжали и оставались здѣсь жить; изъ другихъ городовъ Сибири, даже изъ Иркутска и Оренбурга, отставные чиновники съѣзжались сюда доживать свой вѣкъ на пенсію. Это обиліе чиновниковъ служащихъ и отставныхъ превращало Омскъ въ городъ Акакиевъ Акакиевичей. Солидной торговли въ городѣ не было; магазины торговали только офицерскими вещами, эполетами, портупьями да дамскими блондами, лентами и кружевами. Было всего два, три свѣчныхъ заводовъ, занятыхъ поставкой свѣчъ въ омскія канцеляріи. Каменныя зданія всѣ были

казенныя; это были канцеляріи, казармы, лазареты и дома съ квартирами для офицеровъ. Всѣ остальные постройки были деревянные и въ шестидесятыхъ годахъ былъ всего одинъ каменный купеческій домъ. Въ клубѣ изъ буржуазіи былъ принятъ всего одинъ только членъ—винный откупщикъ. Нигдѣ въ Сибири не было такого отчужденія интеллигентнаго общества отъ массы, какъ въ Омскѣ; интеллигенція здѣсь не служила мѣстному населенію. Въ омскомъ клубѣ была Ядринцевымъ произнесена первая публичная рѣчь о необходимости открытія сибирскаго университета, и эта рѣчь при тогдашнемъ составѣ омскаго общества прозвучала, какъ диссонансъ. Въ Омскѣ никогда не было такого общественнаго учрежденія, которое концентрировало бы на себѣ симпатіи населенія цѣлаго округа, въ родѣ томскаго школьнаго общества или въ родѣ иркутскаго музея географическаго общества.

Теперь, когда жизнь въ Сибири повсюду перекраивается на новый ладъ, когда характеры сибирскихъ городовъ измѣняются, и Омскъ на пути къ преобразованію. Въ шестидесятыхъ годахъ это былъ глухой городъ въ торговомъ отношеніи; на Иртышѣ, на которомъ стоитъ городъ, не было никакого судоходства, между Семипалатинскомъ и Омскомъ не ходило ни одного парохода, и омскія цѣны не уравнивались съ семипалатинскими; въ Семипалатинскѣ была одна цѣна на пшеницу, въ Омскѣ другая. Обозы изъ Москвы въ Иркутскъ проходили въ 50 верстахъ мимо Омска. Теперь черезъ Омскъ проведена желѣзная дорога, и пароходы стали ходить между Омскомъ и Семипалатинскомъ. За Омскомъ начинается упрочиваться слава будущаго торговаго центра. Московскіе купцы избрали его складочнымъ мѣстомъ своихъ товаровъ, а иностранныя фирмы устроили здѣсь свои конторы, отчасти для продажи сельскохозяйственныхъ машинъ, отчасти для покупки масла. Изъ военнаго лагеря Омскъ стремится превратиться въ купеческій пакгаузъ, дробь барабана хочетъ смѣниться шелканіемъ счетъ.

Губернскій городъ Тобольскъ былъ когда-то административнымъ центромъ всей Сибири, когда Сибирь составляла одну губернію. Это „мать“ сибирскихъ городовъ; если Томскъ за его торговое значеніе можно назвать сибирской Москвой, то Тобольскъ это сибирскій Кіевъ; какъ въ Кіевѣ и Новгородѣ въ Тобольскѣ есть Софійскій соборъ, въ которомъ хранятся самыя старыя немногочисленныя сибирскія церковныя реликвіи; эта своя сибирская „Софія“ должна напоминать, что Тобольскъ послѣ Кіева и Новгорода—третій этапъ въ исторіи распространенія русскаго христіанства. Тобольскъ давно утратилъ свое первенствующее въ Сибири значеніе и превратился бы въ заурыдный губернскій городъ, если бы не находился вблизи

отъ района крупной сѣверной рыбопромышленности. Въ началѣ сибирской исторіи Тобольскъ былъ административнымъ торговымъ и умственнымъ центромъ; такое значеніе онъ приобрѣлъ еще во время татарскаго господства. Здѣсь была резиденція сибирскаго хана; сюда направлялись торговые караваны изъ китайскаго Туркестана съ произведеніями городовъ Кашгара и Яркенда; здѣсь начинала завязываться татарская цивилизація. Это значеніе Тобольскъ удерживалъ за собою нѣкоторое время и послѣ занятія Сибири русскими, но потомъ и торговая и умственная жизнь Сибири ушла на югъ. Тобольскъ утратилъ значеніе центра даже для Тобольской губерніи, но онъ находится на южной границѣ обширнаго сѣвернаго края, рыбное и лѣсное богатства котораго лежать пока мертвымъ капиталомъ; необходимо создать сбытъ продуктовъ этого богатства, и тогда города и села въ низовьяхъ Иртыша и Оби, Тобольскъ, Самарово, Березовъ и Обдорскъ, обратятся въ промышленные пункты. Экономическое будущее Тобольска и прилегающаго къ нему сѣвернаго края зависитъ отъ разрѣшенія портофранко въ устьѣ Оби.

Тюмень самый заводскій городъ въ Сибири; начало тюменской заводской промышленности относится еще ко времени татарской, до-ермаковской культуры Сибири. Еще въ періодъ татарскаго господства въ Сибири тюменскіе жители уже занимались выдѣлкою кожъ; тогда же, вѣроятно, было положено и начало ковроваго производства. Положеніе города въ томъ пунктѣ московскаго тракта, гдѣ начинается длинный водный путь (по Турѣ, Тоболу, Иртышу и Оби) послужило къ тому, что эти зачатки не заглохли, а развились. Тюмень лежитъ на границѣ между земледѣльческимъ, степнымъ югомъ губерніи и сѣверной мѣстной ея частью, т. е. въ такихъ же условіяхъ, какъ и центральный мануфактурный округъ въ европейской Россіи. Тюмень самый типичный буржуазный городъ въ Сибири; какъ Омскъ чистѣйшей воды Акакій Акакіевичъ, такъ Тюмень чистѣйшей воды Титъ-Титычъ. Ядринцевъ въ своемъ фельетонѣ срисовалъ портретъ одного своего знакомаго тюменца подъ именемъ Кондрата и сдѣлалъ это имя нарицательнымъ для всей Сибири. Къ наукѣ тюменскій заводчикъ относился, какъ Тарасъ Бульба; отправляя сына въ университетъ, онъ требовалъ, чтобы тотъ вернулся съ дипломомъ, иначе грозилъ лишить наслѣдства, а когда сынъ возвращался съ знаніемъ новыхъ способовъ обработки, отецъ не давалъ ему возможности примѣнить знанія и настаивалъ, чтобы онъ возвратился къ старосвѣтской тюменской культурѣ.

Какъ Тюмень — представитель обрабатывающей промышленности въ Сибири, такъ Курганъ, лежащій къ югу отъ Тюмени, типичный

производитель сибирскаго сырья. Юго-западный уголь тобольской губерніи, въ которомъ расположенъ городъ Курганъ, представляетъ самый густой по населенію районъ во всей Сибири. Вслѣдствіе густоты населенія Курганскій уѣздъ еще до отмѣны ссылки въ Сибирь былъ освобожденъ отъ ссылки. Въ настоящее время Курганъ служитъ центромъ мѣстнаго района маслодѣлія; городъ въ этомъ отношеніи является передовымъ для всей маслодѣльной Сибири, онъ находится на западномъ концѣ линіи городовъ, которые принимаютъ участіе въ сбытѣ масла (Курганъ, Омскъ, Барнауль и Бійскъ). Въ Курганѣ живетъ А. Н. Балакшинъ, который успѣшно пропагандируетъ маслодѣльные артели; организація, во главѣ которой стоитъ г. Балакшинъ, покрыла югъ Tobольской губерніи артельными маслодѣльными заводами, издаетъ ежегодный отчетъ объ успѣхахъ этого дѣла и хлопочетъ о непосредственномъ сбытѣ масла на рынки Лондона и Парижа.

Лежащій рядомъ съ Курганомъ Петропавловскъ, равно, какъ и Семипалатинскъ, расположенный на берегу Иртыша въ 700 верстахъ выше Омска, имѣютъ одно общее—это города съ большимъ татарскимъ населеніемъ. Петропавловскъ и Семипалатинскъ образуютъ крылья фронта, которымъ Сибирь обращена къ мусульманскому міру Туркестана. Въ эти два города выходили туркестанскіе караваны на верблюдахъ изъ Ташкента и Кашгара. Петропавловскъ одно время падалъ; когда была проведена желѣзная дорога изъ Екатеринбургa въ Тюмень, продукты киргизской степи и туркестанскіе товары пошли на пароходахъ по Иртышу въ Тюмень, а путь на Петропавловскъ и Курганъ закрылся, потому что оказался дороже; многіе татары выселились тогда изъ Петропавловска въ Акмола и друг. города; многіе дома въ Петропавловскѣ долго стояли съ заколоченными ставнями. Но когда сибирская желѣзная дорога прошла черезъ Петропавловскъ, городъ снова оживился и уѣхавшіе возвратились.

Эти два города—колоніи казанскихъ татаръ съ примѣсью сартовъ изъ Туркестана. Въ этихъ двухъ пунктахъ происходитъ общеніе татарскаго міра съ киргизскимъ, результатомъ котораго оказывается только усвоеніе киргизами татарскаго образа жизни; напр., киргизскія женщины, обыкновенно не скрывающія лица отъ мужчинъ, начинаютъ носить чадру. Прогрессивныя идеи черезъ этотъ проводникъ, т. е. черезъ татарскій міръ не могли проникать въ киргизскую среду, потому что татары до послѣдняго времени были самыми закоснѣлыми старовѣрами въ русскомъ государствѣ. Только въ послѣдніе два года появилась журналистика на татарскихъ нарѣчіяхъ, распространяющая прогрессивныя идеи, которыя усвои-

ваются теперь и жителями двухъ сибирскихъ городовъ съ татарскимъ населеніемъ.

Самый большой городъ на Оби, Барнаулъ, лежитъ въ верхней части теченія этой рѣки, въ 200 верстахъ отъ сѣверныхъ предгорій Алтая. Въ немъ насчитывается до 30.000 жителей. Современная жизнь въ Барнаулѣ рѣзко отличается отъ той, какую вело барнаульское общество въ прошлое время. Нѣкогда это былъ центръ алтайскихъ горныхъ инженеровъ; здѣсь находилось управленіе алтайскаго горнаго округа, которое завѣдывало алтайскими металлургическими заводами, рудниками и золотыми промыслами. Алтайскій округъ имѣлъ своего рода конституцію; разъ въ годъ начальники заводовъ, рудниковъ и золотыхъ промысловъ съѣзжались въ Барнаулъ и составляли „горный совѣтъ“; на совѣщаніяхъ этого совѣта вырабатывалась смѣта на предстоящій годъ горныхъ работъ и смѣта повинностей, налагаемыхъ на крестьянское населеніе въ пользу заводовъ. Совѣщанія эти были не что иное, какъ тайный заговоръ инженеровъ для обкрадыванія казны и обиранія сельскаго населенія. Жилось инженерамъ тогда очень весело. Барнаульское общество дѣлилось тогда на три яруса; самый верхній ярусъ занимали инженеры, которые въ свою среду принимали только немногихъ горныхъ чиновниковъ; въ этотъ верхній ярусъ допускались лишь лица, кончившія курсъ въ горномъ институтѣ. Средній ярусъ занимали горные и уѣздные чиновники, кушцы и пѣхотные офицеры; наконецъ, нижній ярусъ составляли горные урядники; это были люди съ самымъ низкимъ образовательнымъ цензомъ, но люди съ хорошими доходами. Какъ хорошо жили инженеры, объ этомъ свидѣтельствуютъ преданія. Путешественникъ конца восемнадцатаго столѣтія Палласъ съ удивленіемъ рассказываетъ, что онъ за столомъ нашель здѣсь артишоки. Мебель, экипажи, костюмы и столъ—все здѣсь было изысканно, какъ нигдѣ въ Сибири. Инженерныя дамы не только въ Парижѣ заказывали себѣ шить платья, даже посылали въ Парижъ мыть бѣлье. Даже у урядниковъ за столомъ зимой подавались апельсины. Въ салонахъ инженеровъ слѣдили не только за модами, но и за новостями въ наукѣ и литературѣ. До пяти разъ въ годъ изъ Барнаула отправлялся въ Петербургъ караванъ съ золотомъ подъ начальствомъ одного изъ инженеровъ, который возвращался изъ столицы со всякаго рода новостями. Ни одинъ городъ въ Сибири не имѣлъ съ Петербургомъ такихъ частыхъ и правильныхъ обновляющихъ мѣстную жизнь сношеній, и эта особенность давала право барнаульскимъ инженерамъ говорить, что Барнаулъ—уголокъ Петербурга. Инженеры имѣли и благородныя увлеченія; кто-нибудь собиралъ коллекціи

аквамариновъ, другой увлекался коннымъ спортомъ и рисовалъ портреты съ конскихъ перловъ; третій набивалъ руку въ архитектурномъ вкусѣ и т. д. Въ шестидесятыхъ годахъ уже можно было встрѣтить въ гостинныхъ Барнаула сочиненія Герцена, но влияніе Герцена на мозги барнаульскихъ инженеровъ было также поверхностно, какъ влияніе Вольтера на придворныхъ Екатерины II.

Въ шестидесятыхъ годахъ горное хозяйство Кабинета въ Алтай было ликвидировано; казенные заводы и рудники закрыты, и управленіе округа вмѣсто горнаго богатства начало эксплуатировать земельный фондъ; изъ серебросплавильщика оно превратилось въ помѣщика, сдающаго свою землю въ аренду. Инженеры получили отставку. Вмѣсто псевдолюбителей науки и литературы округъ населился псевдоагрономами, людьми, будто бы знающими помѣщичье хозяйство, заштатными Ноздревыми и Собакевичами. И блескъ барнаульской жизни потухъ.

Какъ разъ въ это время построилась тюменская желѣзная дорога; это дало выходъ алтайскимъ запасамъ хлѣба въ европейскую Россію. Быстро развилась хлѣбная торговля; внезапно выросъ хлѣбный тузъ въ Барнаулѣ—купецъ Жернаковъ. Въ районѣ между устьемъ Томи и Бійскомъ на Оби образовались хлѣбныя пристани, въ числѣ которыхъ главное мѣсто занялъ Барнаулъ; нѣкоторыя села, какъ напр. Бердское, Камень, Усть-Чарымъ выросли въ селенія съ десятью, пятнадцатью тысячами жителей. Нѣсколько позднѣе появилось маслодѣліе, а также стала развиваться торговля сельско-хозяйственными машинами. Барнаулъ изъ горнопромышленнаго города обратился въ складъ хлѣба, масла и сельско-хозяйственныхъ машинъ. Обозы съ углемъ и рудой исчезли, а пристани завалены боченками, мѣшками, жнеями, сѣнокосилками и плугами.

Бійскъ лежитъ при сліяніи рѣкъ Бии и Катуні, составляющихъ Обь, въ 100 верстахъ выше Барнаула. Это самый южный на Оби центръ маслодѣлія и продажи сельскохозяйственныхъ машинъ; кромѣ того Бійскъ играетъ значительную роль въ торговлѣ съ Монголіей. Изъ Бійска по долинѣ Алтая идетъ путь въ Монголію, такъ называемый „чуйскій трактъ“, получившій названіе отъ р. Чуи, по долинѣ которой трактъ достигаетъ границы Китая. Трактъ ведетъ въ города Хобдо и Улясутай, въ которыхъ бійскіе купцы имѣютъ лавки и приказчиковъ; каждое лѣто и сами хозяева выѣзжаютъ въ Монголію. Торговля эта выгодна, и бійскіе купцы, ведущіе ее и извѣстные въ Бійскѣ подъ именемъ „чуйцевъ“, занимаютъ въ этомъ городѣ самое выдающееся положеніе. Ихъ каменные дома, главнымъ образомъ, придаютъ Бійску городской видъ; они главные жертвователи на бійскія учебныя заведенія. Но такъ

какъ эти чуйцы по большей части разбогатѣвшіе приказчики, люди, не компетентные въ педагогическомъ дѣлѣ, то они ограничиваются только тѣмъ, что жертвуютъ, не вмѣшиваясь въ жизнь созданныхъ на ихъ деньги учреждений. А между тѣмъ такіе города, какъ Бійскъ, Минусинскъ и Троицкосавскъ, лежащіе близъ границы Монголіи, могли бы для монголовъ сыграть роль „окопъ въ Европу“.

Минусинскъ, расположенный близъ южной границы енисейской губерніи, подобно Бійску, ведетъ торговлю съ Монголіей, но въ условіяхъ менѣе благопріятныхъ; во-первыхъ, онъ соединенъ дешевымъ воднымъ путемъ только съ Красноярскомъ, тогда какъ Бійскъ имѣетъ по водѣ сношеніе до Тюмени; во-вторыхъ отъ Монголіи Минусинскъ отдѣленъ горами, черезъ которыя и въ настоящее время товары перевозятся только по вьючнымъ тропамъ; чуйскій трактъ, соединяющій Бійскъ съ Монголіей, раздѣленъ въ тѣлѣжный путь, и бійскія тѣлѣги теперь доходятъ до китайскихъ городовъ Хобдо и Улясутая, тогда какъ усинскій трактъ, соединяющій Минусинскъ съ Монголіей, вѣроятно еще долго будетъ оставаться вьючнымъ. Вслѣдствіе этого участіе Минусинска въ Монгольской торговлѣ менѣе значительно сравнительно съ Бійскомъ.

Въ Минусинскѣ находится знаменитый Мартяновскій музей, обязанный своимъ началомъ и развитіемъ трудамъ и энергіи одного частнаго лица Н. М. Мартянова, подобно тому, какъ школьное общество, основанное П. И. Макушинымъ въ Томскѣ послужило сигналомъ для открытія подобныхъ обществъ въ другихъ сибирскихъ городахъ, и успѣхъ Мартяновскаго музея вызвалъ подражанія въ другихъ мѣстахъ Сибири; были основаны музеи въ Красноярскѣ, Тобольскѣ, Нерчинскѣ, Читѣ и др. Подобно школьному обществу въ Томскѣ и отдѣлу географическаго общества въ Иркутскѣ, и минусинскій музей сталъ центромъ мѣстныхъ симпатій съ тою, однако, разницей, что ему удалось сосредоточить въ себѣ не только симпатіи ближайшей среды, но и симпатіи всей Сибири. Ото всѣхъ концовъ Сибири слали Мартяновскому музею пожертвованія и деньгами и коллекціями. Сибирская журналистика, будировавшая общество къ пожертвованіямъ на общественныя учрежденія, старалась отбѣнить свое преимущественное вниманіе къ Мартяновскому музею сравнительно съ иркутскимъ, пользовавшимся покровительствомъ иркутскаго генераль-губернатора. И дѣйствительно нельзя указать ни на одно учрежденіе въ Сибири, которое бы такъ всецѣло, такъ исключительно было обязано своимъ существованіемъ обществу, безъ содѣйствія администраціи, какъ Мартяновскій музей. Самъ сибирскій университетъ не могъ собрать столько симпатій,

благодаря тому, что онъ отчасти—созданіе администраціи. Мартьяновъ потратилъ тридцать лѣтъ своей жизни на организацію своего музея, который въ настоящее время является первымъ въ Сибири по полнотѣ своего плана. Къ сожалѣнію, музей находится въ малолюдномъ захолустномъ городѣ; если бы онъ находился въ большомъ городѣ, его воспитательное значеніе было бы шире. Въ настоящее время городъ Минусинскъ насчитываетъ не болѣе 15.000 жителей и, не смотря на существованіе въ немъ такого учрежденія, общественная жизнь въ немъ не отличается отъ вялой жизни другихъ городовъ. И во время агитацій въ пользу Мартьяновскаго музея сочувствіе къ нему сильнѣе выражалось въ красноярскомъ обществѣ, чѣмъ въ минусинскомъ.

Губернскій городъ Енисейской губерніи Красноярскъ, лежащій на 300 верстѣ сѣвернѣе Минусинска, принадлежитъ къ числу городовъ, расцвѣтъ которыхъ въ значительной степени обязанъ золотопромышленности; въ то время, какъ золотой промыселъ, питавшій Томскъ, упалъ и уже для Томска не имѣетъ значенія главнаго источника, въ тайгѣ южной части Енисейской губерніи приска еще работаютъ и поддерживаютъ Красноярскъ. Лучшими своими общественными учрежденіями Красноярскъ обязанъ своимъ золотопромышленникамъ. Городская лѣчебница, женская гимназія, городская библіотека, музей, Пушкинскій народный домъ построены при значительномъ содѣйствіи красноярскихъ золотопромышленниковъ Кузнецовыхъ.

Еще болѣе сѣверный городъ—Енисейскъ до паденія золотопромышленности въ сѣверной тайгѣ былъ богаче Красноярска, но теперь съ каждымъ годомъ бѣднѣетъ. По своему положенію на южномъ краю сибирской тундры, Енисейскъ долженъ бы выполнить ту же миссію по отношенію туруханскаго сѣвера, какая предстоитъ Тобольску въ отношеніи обдорскаго края.

Изъ городовъ Забайкалья самое оригинальное по значенію и характеру поселеніе—городъ Троицкосавскъ съ торговой слободой Кяхтой, находящейся въ 5 верстахъ отъ города. Мощь этого мѣстечка заключалась собственно въ Кяхтѣ. Кяхта состоитъ изъ десяти-пятнадцати домохозяевъ; каждый изъ нихъ почти миллионеръ; это комиссіонеры по чайной торговлѣ. До проведенія сибирской желѣзной дороги всѣ чай, предназначенные для Россіи, китайскіе караваны вывозили въ Кяхту, и кяхтинскіе купцы направляли ихъ отсюда далѣе въ Москву. Площадь въ 50 сажень шириной отдѣляетъ русскую слободу Кяхту отъ Маймачена, т.-е. отъ такой же торговой слободы, только населенной китайцами. Кяхта и Троицкосавскъ прежде имѣли общаго градоначальника; впоследствии градо-

начальникъ былъ замѣненъ полицеймейстеромъ. Въ настоящее время чай изъ китайскихъ портовъ направляются на устье Амура и во Владивостокъ и поднимаются на пароходахъ вверхъ по Амуру; вслѣдствіе этого чайныя конторы пришлось перенести изъ Кяхты въ Срѣтенскъ. Кяхта стала падать.

Во время расцвѣта чайной торговли идейной жизни въ Кяхтѣ не было. Нажитые капиталы тратились только на шампанское. Отъ этого богатства не осталось бы никакихъ слѣдовъ, если бы графъ Муравьевъ - Амурскій не назначилъ градоначальникомъ въ Кяхту Деспота-Зеновича. Этотъ послѣдній подбилъ кяхтинскихъ богачей открыть въ Троицкосавскѣ реальное училище и женскую гимназію; онъ привилъ въ нѣкоторыхъ домахъ вкусъ къ чтенію журналовъ, основалъ даже газету „Кяхтинскій Листокъ“. Особенно память и привитые Деспотомъ-Зеновичемъ вкусы долго сохранялись въ кяхтинскомъ семействѣ Лушниковъ.

Китайскій Маймачень, расположенный въ 50 саженьяхъ отъ Кяхты находится уже на территоріи Китайской имперіи. Отсюда идетъ телѣжная дорога въ Калганъ и можно черезъ всю Монголію проѣхать въ тарантасѣ. Чай изъ Калгана только частью идутъ въ Кяхту на верблюдахъ, значительная же часть ихъ везется на монгольскихъ и китайскихъ телѣгахъ. Такая доступность Монголіи въ этомъ пунктѣ даетъ Кяхтѣ преимущество передъ Бійскомъ и Минусинскомъ, изъ которыхъ доступъ въ Монголію не такъ легокъ; равными условіями можетъ похвастаться только Зайсанскъ въ верховьяхъ Иртыша, но этотъ городокъ не имѣетъ равнаго ни торговаго, ни просвѣтительнаго значенія. Для умственнаго общенія русскаго міра съ монгольскимъ лучше всего поставлена Кяхта; къ сожалѣнію просвѣтительная дѣятельность въ Кяхтѣ началась только въ послѣднее время; здѣсь открыто филиальное отдѣленіе географическаго общества, которое, благодаря своему сочлену доктору Талько-Грицевичу, является очень дѣятельнымъ учрежденіемъ; оно не рѣдко издаетъ свои „извѣстія“ и посылаетъ ученыхъ экскурсіи въ Монголію.

Въ Якутской области самый большой городъ Якутскъ имѣетъ только 7.000 жителей. Какъ во всѣхъ другихъ сѣверныхъ городахъ, въ противоположность южнымъ сибирскимъ, населеніе въ Якутскѣ слабо возрастаетъ. Половина населенія города якуты; многіе изъ нихъ самостоятельно занимаются торговлей; на базарѣ города Якутска есть ряды, въ которыхъ торгуютъ якуты. Якутскій языкъ часто слышенъ и на улицѣ и въ домахъ; многіе русскіе говорятъ по-якутски. Прежде якутскій языкъ былъ еще распространеннѣе; были случаи, что русскіе крестьяне, переселившіеся

въ Якутскую область, забывали родной языкъ и усвоили якутскій. И въ самомъ Якутскѣ въ старое время по-якутски говорили въ гостинныхъ чиновниковъ; даже въ нѣмецкихъ семействахъ барышни научались говорить по-якутски. Якутскъ по справедливости можетъ быть названъ якутской столицей; здѣсь сосредоточивается якутская интеллигенція. Въ Якутскѣ есть якутскій клубъ, члены котораго якуты. Въ этомъ клубѣ якуты-кушцы играютъ въ карты, а молодежь танцуетъ кадрили и остальные, самые новѣйшіе танцы.

Якуты рѣдко переодѣваются въ европейское платье, и въ лавкахъ сидятъ, и въ русскіе дома въ гости ходятъ въ національномъ костюмѣ; женщины также предпочитаютъ якутскій костюмъ европейскому и въ клубѣ танцуютъ въ родномъ костюмѣ.

Въ якутскомъ клубѣ иногда давались спектакли на якутскомъ языкѣ. Такъ однажды было дано представленіе изъ нѣсколькихъ актовъ, въ которомъ была передана исторія одного якутскаго эпическаго героя Маньчара. Другое представленіе заимствовало свое содержаніе изъ народной сказки, такъ какъ въ немъ много было пѣнія, то якуты называли его якутской оперой. Клубъ временами выпускалъ листокъ, составленный изъ произведеній якутскихъ литераторовъ; листокъ этотъ назывался „Рѣчь якутскаго клуба“.

Двѣ другія крупныя народности Сибири, киргизы и буряты можетъ быть болѣе затронуты русскимъ просвѣщеніемъ и въ ихъ средѣ больше лицъ, прошедшихъ курсъ высшей школы, но эти исключительныя личности разсѣяны среди своихъ соплеменниковъ; нѣтъ у нихъ концентраціи, нѣтъ ни киргизскаго, ни бурятскаго умственнаго центра. Изъ всѣхъ сибирскихъ инородцевъ только одни якуты какъ будто разрѣшили этотъ вопросъ, или по крайней мѣрѣ имѣютъ задатки разрѣшить его.